

Война в Ираке, экономический рост России и тиканье „нефтяных часов“

Laurențiu Constantiniu

Уже почти пять лет цены на нефть основных сортов (включая Brent) устойчиво держатся на уровне выше 25-долларовой отметки (а в последние месяцы и вовсе бьют рекорды десятилетий), подталкивая аналитиков к серьезным разговорам о том, что мир надолго вступил в эпоху дорогой нефти. Даже такой общепризнанный экономический гуру, как глава Федеральной резервной системы (ФРС) США Алан Гринспен (Alan Greenspan), недавно заявил: мировые цены на нефть стали высокими всерьез и надолго.

Уровень цен на главный мировой энергетический ресурс — это фактор перераспределения экономического и политического влияния в мире.

Во-первых, будучи инструментом глобального влияния, цены на нефть оказываются серьезным рычагом в руках стран-экспортеров — в первую очередь государств Ближнего Востока, среди которых лидирующее положение занимают Саудовская Аравия и Иран.

Во-вторых, возникают предпосылки для новых витков международного противостояния, связанного с борьбой развитых стран-импортеров за контроль над энергоресурсами (самым ярким примером является война в Ираке).

Как формируются цены на нефть

При всем уважении к господину Гринспену можно утверждать: не существует никаких оснований для вывода о том, что на неопределенно долгое время наступил период высоких мировых цен на нефть. При анализе структуры глобального нефтяного рынка, как правило, оперируют

В-третьих (и это, безусловно, касается России, т.к. это важно для неё), высокие цены на нефть способны придать дополнительный импульс экономическому росту в странах с переходной экономикой, которые, несмотря на риск довести дело до „голландской болезни“ (*застой в обрабатывающих секторах экономики и отток капитала в ресурсодобывающий сектор и сектор услуг в результате поступления в страну больших объемов валюты от сырьевого экспорта. — пр. авт.*), получают шанс естественным путем приблизиться к „клубу сильных“. Наконец, экономики ведущих держав, подавляющее большинство которых импортируют нефть, несколько ослабли, и в этом контексте высокие цены на нефть также ведут к изменению баланса сил в мировой экономике.

Итак, высокие цены на нефть — это шанс на рывок вперед для одних и риск стагнации для других. Насколько же сегодняшние сверхвысокие цены объективны и сколь долго они могут продержаться на таком же уровне? Существуют ли факторы, способные обвалить цены в обозримой перспективе? Что могло бы вызвать подобный обвал цен и чем он грозит России?

стандартными параметрами реальных товарных потоков: изменениями в спросе, динамикой добычи нефти основными странами-производителями, объемами стратегических и коммерческих запасов в странах-импортерах.

Однако глубоко ошибается тот, кто считает, что цены на нефть определяются сегодня так же, как на классическом товарном рынке, — соотношением реального спроса и предложения. Это давно уже не так. Достаточно проанализировать данные о структуре спроса и предложения на мировом рынке нефти в 1999-2003 годах, и станет ясно: реальных проблем с перебоями в поставках нефти на мировом рынке нет и не предвидится. Годовой дефицит нефти в самые „проблемные“ годы (1994-2003) не превышал 2,6 млн баррелей в день, или 0,1 % от объема коммерческих запасов нефти в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР/ЕОСД). То есть текущий дефицит мог быть без труда покрыт резервами.¹

Начиная с конца 1980-х мировые цены формируются на трех площадках по биржевой торговле нефтью и нефтепродуктами — Нью-Йоркской (New York Mercantile Exchange — NYMEX) и Сингапурской (Singapore Mercantile Exchange — SIMEX) товарных биржах и Лондонской нефтяной бирже (International Petroleum Exchange — IPE). Оборот реальных объемов физической нефти на этих площадках, работающих в 24-часовом режиме, составляет менее 1 % от общего объема международной торговли нефтью. Но здесь продают в основном не реальный товар (всего 1-2 % от совершаемых сделок), а производный — фьючерсные контракты на поставку нефти. Таким образом, цены на нефть фактически определяются не в ходе купли-продажи реального товара, а в процессе торговли финансовыми инструментами. Конечно, риски реального рынка тоже учитываются, но все же уровень цен в первую очередь подвержен влиянию слухов и сиюминутных тенденций изменения глобальной экономической и политической конъюнктуры.

Неудивительно, что в этой ситуации нефтяное ценообразование определяется не реальной обеспеченностью мирового рынка сырьем, а правилами спекулятивной игры, которые диктуются финансовыми инвесторами. Среди экспертов по

нефтяному рынку распространено мнение, что в условиях длительного периода низких процентных ставок в финансовых системах стран Запада, в первую очередь в ФРС США, финансовые деривативы (*финансовые производственные инструменты: фьючерсные контракты, опционы и др. — пр. авт.*), торгуемые на мировых нефтяных биржах, стали удобным средством помещения капитала. Недавно министр энергетики Алжира Шакиб Келиль (Shakib Kelili) заявил, что цены на нефть смогут существенно снизиться, если ФРС повысит учетную ставку. В этом случае спекуляции на нефтяном рынке могут стать для инвесторов менее привлекательными, чем операции на традиционных финансовых рынках. Ряд экономистов полагают, что на мировых нефтяных биржах надувается спекулятивный „пузырь“, подобный тому, что имел место на американском фондовом рынке в конце 1990-х.

Чтобы увеличить цены, спекулянты с высокой эффективностью использовали любые сколько-нибудь существенные для мирового рынка тенденции и даже слухи. В дело пошло все: иракский фактор (хотя на самом деле уход иракской нефти с мирового рынка в 2003 году означал потерю только 686 тыс. баррелей в день и был весьма быстро восполнен); очередной отказ Организации стран экспортеров нефти (ОПЕК/ОПЕС) от повышения квот нефтедобычи (притом что картель редко когда соблюдал договоренности о квотах); забастовки в Нигерии и политическая нестабильность в Венесуэле. Вместе с тем никаких эмоций у рынка не вызвали такие, казалось бы, фундаментальные факторы, как взрывной — почти на 2,5 млн баррелей в день — рост нефтедобычи и экспорта в России за 5 лет, который с лихвой (более чем на 120 %) перекрыл в 2003-м прекращение поставок нефти из Ирака. Также был обойден вниманием ажиотажный рост производства в ближневосточных странах ОПЕК — Иране, Катаре, Кувейте, Объединённые Арабский Эмираты и Саудовской Аравии, где

совокупное производство нефти по сравнению с уровнем предыдущего года выросло в 2003 году более чем на 2,4 млн баррелей в день, или на 14 %.

Конечно, есть и объективные факторы, подстегивающие рост цен, например продолжающееся увеличение спроса на нефть в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь в Китае. Истощаются базовые нефтяные месторождения, прежде всего ближневосточные, а разработка некоторых месторождений основных нефтедобывающих стран ОЭСР — США, Великобритании, Норвегии — прекращается. Цены на нефть поднимаются также в связи с удорожанием нефтедобычи в новых нефтеносных районах (на морском шельфе) и использованием современных технологий добычи. Тем не менее в условиях чрезмерной зависимости мирового рынка нефти от неведомой спекулятивной игры и отсутствия реального дефицита самого ресурса риск скорого и серьезного падения мировых цен велик. И если произойдет отток капитала с мировых

биржевых площадок по торговле нефтью, не помогут ни урезание квот нефтедобычи со стороны ОПЕК, ни продолжающийся рост азиатского спроса на нефть. Все это мы уже проходили: в 1998-м кризис мировых цен был спровоцирован не столько избытком реального товара (который составил всего 400 тыс. баррелей в день), сколько кризисом мировых финансовых рынков, кризисом ожиданий, а в итоге и кризисом цен на рынке фьючерсных поставок нефти.

В этом случае цены на нефть могут не столько упасть до отметок, критических с точки зрения доходности бизнеса производителей товара, сколько оказаться — и надолго закрепиться — на уровне его „реальной стоимости“, обеспечивающем покрытие средних издержек добычи и транспортировки и дающем разумную прибыль. Катастрофы не произойдет: при таком сценарии нефть из „сверхприбыльного“ и „геополитического“ товара станет товаром просто прибыльным, не приносящим никаких дополнительных дивидендов.

Экономика России и цены на нефть

Хотя некоторые тенденции повышения цен на нефть и существуют, среднемировая цена основных сортов нефти, закупленной на условиях франко-борт (ФОБ) — порт отгрузки (*цена включает в себя издержки производства и транспортировки в порт отгрузки. — пр. авт.*), в обозримом будущем все равно составит не более 8-10 долларов за баррель. Это означает, что с учетом стоимости фрахта мировой рынок нефти может быть весьма прибыльным даже при устойчивых ценах в 15-18 долларов за баррель основных сортов нефти.

Россия в таком случае, безусловно, оказывается в невыгодном положении: значительное транспортное плечо, по которому нефть доставляется из мест добычи к портам по трубопроводной системе (у других экспортеров такой необходимости протягивать трубопроводы на столь значительное расстояние нет), создает дополнительные издержки в размере примерно 4-5 долларов за баррель.

Но даже если цены и упадут, экспорт нефти будет приносить российским компаниям неплохую прибыль. Seriously снизятся лишь доходы бюджета (шкала налога на добычу полезных ископаемых и экспортных пошлин на нефть сегодня построена таким образом, что риски от падения цен на нефть Brent до 20-22 долларов за баррель целиком лежат на бюджетной системе), а также возможности нефтяного сектора перенаправить капитал в другие сферы экономики. Источником вложений в модернизацию и развитие экономики в этой ситуации смогут быть только внутренние сбережения и иностранные инвестиции, которые уже начали присутствовать в России.²

Ярким примером является состоявшийся 29 сентября аукцион по продаже 7,6% акций российского правительства в нефтяной компании „Лукойл“ продлился менее 2 минут. На нем

победил тот, кого публично поддержали российский президент Владимир Путин и руководство „Лукойла“. Отличительной особенностью аукциона стало то, что государство продало свой актив за справедливую цену почти в 2 млрд. долл. США, а покупателем стала иностранная компания, американская нефтяная группа „СopocoPhillips“. Эта сделка явилась крупнейшей приватизационной сделкой в истории России. „СopocoPhillips“ заявила, что намерена в дальнейшем довести свою долю в компании „Лукойл“ до примерно 20% и что она имеет конкретные планы сотрудничества с Россией в Ираке. Сделка „СopocoPhillips“ уступает разве что той, что была заключена в прошлом году английской компанией „British Petroleum“ (BP), которая купила фактически половину российской нефтяной компании ТНК.³

Итак, иностранцы в России приветствуются — благодаря их капиталам и их опыту, который необходим для эксплуатации новых месторождений, в частности в шельфовых зонах, например, вокруг о. Сахалин — но, по всей видимости, не в такой роли, в какой выступила BP, купив ТНК. В любом случае, в энергетическом бизнесе в России существует достаточно рисков. Стратег „Альфа-банка“ Крис Уифер (Chris Weafer) называет, в частности, неопределенность в отношении режимов лицензирования и налогообложения, а также то, что Россия затягивает вопрос со строительством новых нефтепроводов. Кроме того, в России осталось очень мало нефтяных компаний, за которые стоит биться. С другой стороны, у страдающих от нехватки резервов западных нефтяных компаний почти не остается иного выбора, как только добиваться благорасположения России.

В этом контексте стоит отметить, что российско-американское нефтяное партнёрство — очень важно для обеих стран. Россия рассматривает США в качестве одного из перспективных рынков по экспорту нефти. Об этом недавно

сообщил глава Министерства Экономики Развития и Торговли Российской Федерации Герман Греф (Hermann Gref), открывая российско-американский семинар, из 21-ого сентября 2004 г., по вопросам транспортировки нефти и нефтяным рынкам.

„Россия ежегодно увеличивает свое присутствие на мировых рынках и в первую очередь рассматривает возможность увеличения поставок российской нефти на рынок США“, — отметил министр. При этом Г. Греф указал, что в настоящее время для увеличения поставок существует ограничение в виде транспортной инфраструктуры.

„Логика развития транспортных маршрутов в России будет определяться теми рынками, на которые мы получим доступ в среднесрочной перспективе“, — добавил глава МЭРТ. Со своей стороны США должны рассмотреть возможность развития транспортной и портовой инфраструктуры, а также уточнить те объемы нефти, которые они смогут принимать, заключил Г. Греф.⁴

Стоит также отметить, что и посол США (USA) в Российской Федерации Александр Вершбоу (Alexander Vershbow), сообщил, что США рассчитывают на расширение проекта Каспийского трубопроводного консорциума (КТК).⁵ По его словам, в настоящее время США вкладывают значительные инвестиции в разработку Тенгизского нефтяного месторождения в Казахстане и в КТК. В проекте, в частности, участвуют американские компании ChevronTexaco и Exxon Mobil. Американский посол сказал, что на сегодня инвестиции в эти проекты превышают все основные вложения США в этом регионе. В этой связи, подчеркнул он, США рассчитывают на то, что Казахстан и Россия вскоре договорятся о расширении проекта КТК. Данный проект, по его мнению, создает дополнительные возможности для укрепления взаимоотношений между странами.⁶

Удешевление доллара и нефтяные цены

Свою роль в росте нефтяных цен играет и удешевление доллара. Именно падение в последние годы курса доллара спровоцировало ОПЕК к постановке вопроса о повышении границ ценового коридора с 22-28 до 28-36 долларов за баррель. Возможно, это внесет коррективы в номинальный уровень цен, однако ослабление доллара не является фактором, способным серьезно содействовать реальному подорожанию нефти.

Будут ли ресурсы производителей нефти достаточными для проведения очередного раунда ценовых войн? Не вызовут ли непредвиденные события (например, обострение внутренней напряженности в Саудовской Аравии вдобавок к иракскому конфликту) дополнительный дефицит на рынке? Теоретически все это возможно. Однако в последние годы мировой рынок нефти не стал более зависим от ОПЕК даже при том, что уровень добычи в развитых странах понизился. Доля ОПЕК в мировом производстве снизилась в 2003 году относительно ее среднего значения за последнее десятилетие (39,7 % против 41-42 %). На рынок выходят все новые игроки; основные надежды связаны с Бразилией и Казахстаном, которые уже сегодня добывают более 2,6 млн баррелей в день, или 3,5 % от мирового производства. Существенное влияние на рынок может

оказать замедление роста спроса на нефть в Китае. В 2003-м на Китайской Народной Республике пришлось более 40 % прироста мирового спроса. Но в начале 2004 года китайские власти, опасаясь перегрева экономики, ввели инвестиционные ограничения в ряде секторов.

Наконец, неясна судьба Ливии. Улучшение отношений с Западом может возродить давнюю мечту Муамара Каддафи (Moammer al-Gaddafi) о восстановлении добычи ливийской нефти на уровне 1970-го (свыше 3,3 млн баррелей нефти в день против сегодняшних менее 1,5). Для этого потребуется два-три года. Скорее всего, западный мир станет активно склонять Ливию к более энергичному наращиванию нефтедобычи и даже к выходу из ОПЕК. Не исключено, что на Венесуэлу и Нигерию будет оказано политическое давление с целью побудить их покинуть ОПЕК. Не лишена внутренних противоречий и сама ОПЕК. Устанавливаемые квоты на добычу нефти практически никогда не соблюдаются, а финансовое положение стран — лидеров картеля (в первую очередь Саудовской Аравии) резко ухудшилось, и сомнительно, чтобы они смогли позволить себе активные ценовые войны „на понижение“.

Таким образом, сценарий обвала цен в ближайшие годы не слишком вероятен, но вполне возможен.

В поисках других видов энергоресурсов

Годы нефти как основного энергетического ресурса, скорее всего, сочтены. Конечно, мировых запасов нефти достаточно для сохранения ее значимой функциональной роли в течение еще 30-40 лет. Однако — и с этим никто не спорит — ее запасы не являются неисчерпаемыми. Хорошо уже то, что не подтвердились теории быстрого истощения ресурсов, согласно которым человечество еще в начале этого столетия должно было лишиться ископаемых запасов нефти. Мир получил достаточную „нефтяную паузу“, а

процесс глобального переустройства политической и экономической системы, и без того болезненный, не был усложнен необходимостью совершать „энергетическую революцию“. И все же нефть продолжает потихоньку утрачивать свои позиции. Она уже „уступила“ другим видам топлива, ставшим основой для развития электро- и теплоэнергетики, и сохраняет безусловное лидерство лишь на транспорте.

Развитые страны пытаются найти системные решения, которые помогли бы им ограничить зависимость своих

экономик от органического топлива. К этому их вынуждают рост нефтяных цен, истощение собственных запасов органического топлива, провал политики захвата территорий, богатых энергетическими ресурсами (Ирак). После 2030 года вполне можно ждать мировой „энергетической революции“. Ее результатом станет окончательный отказ от использования органического топлива как основного источника энергообеспечения развитых экономик в пользу массового применения альтернативных источников энергии.

Энергетический потенциал природных явлений — солнца, ветра, приливов, водных потоков, геотермального тепла — весьма ограничен. Основной альтернативой органической энергетике может стать лишь энергетика водородная. Ее ресурс (водород) неограничен, а применяемые технологии хорошо изучены (необходим лишь ряд прикладных исследований, расширяющих возможности использования уже разработанных топливных элементов на основе водорода). Кроме того, водородная энергетика высокопродуктивна, высокотехнологична и эффективна. Водородный топливный элемент — универсальный источник энергии, который может использоваться в энергетике, на транспорте (в т. ч. автомобильном), в быту.

Правительства и частный бизнес развитых стран активно инвестируют в развитие водородной энергетике (в 2003-м администрация США выделила на эти цели миллиард долларов, в Японии налажен серийный выпуск автомобилей, работающих на водородных топливных элементах). Если накопится достаточно всеобъемлющих прикладных исследований и осуществляются меры, стимулирующие инвестиции в расширение использования топливных элементов, водород как источник энергии, возможно, будет замещать после 2030 года до 30-40 % традиционной органической энергетике. Согласно обзору World Energy Investment Outlook, 2003, подготовленному Международным энергетическим агентством,

именно к этому периоду удельные капитальные затраты на ввод энерго-мощностей на водородных топливных элементах снизятся до уровня конкурентоспособности по отношению к традиционной энергетике.

Реализация революционного сценария в энергетике может способствовать тому, что передовые страны Запада окончательно обгонят остальной мир по уровню влияния, а также экономического и технологического развития.

У России пока нет оснований для паники. Если руководство страны всерьез озаботится диверсификацией структуры национальной экономики в пользу высокотехнологичных обрабатывающих отраслей и начнет движение в этом направлении, то к 2020-2030 годам критическая зависимость экономического развития от нефтяного сектора, скорее всего, снизится. Россия может получить собственную нишу в сфере глобального развития высокотехнологичных производств, связанных с „новой энергетикой“, а нефтяной сектор по мере выработки основных месторождений будет трансформироваться в обычный, ориентированный в основном на покрытие внутреннего потребления, сектор экономики с объемом добычи 250-300 млн тонн в год.

Вот только позволит ли экономическая политика Кремля подготовить Россию к такому сценарию? Пока он лишь демонстрирует склонность выдавать за собственные успехи итоги структурных преобразований 90-х годов и плоды блестящей конъюнктуры мировых нефтяных цен. Продолжение структурных реформ в экономике раз за разом откладывается в ущерб эфемерной политической стабильности, а реальной программы национального экономического прорыва невзирая на громкие призывы к удвоению ВВП (GDP) не существует. А между тем „нефтяные часики“ неумолимо продолжают тикать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ James Boxell, Carola Hoyos, *The oil giants are able to satisfy the increasing demand. Interview with CEO British Petroleum, Lord John Brown*, „Financial Times“, Sept. 17, 2004, <http://www.ft.com>

² Александр Чудодеев, *Стабилизируй это...* (интервью с министром финансов Алексеем Кудрином), „Итоги“, №. 42 (436), 25.10.2004 г., <http://www.itoghi.ru>

³ Денис Скоробогатко, Наталья Скорлыгина, Дмитрий Сидоров, *Приватная приватизация. СопосоPhillips обеспечена доля в ЛУКОЙЛе*, „Коммерсантъ“ №180 (3019), 28.09.04, <http://www.kommersant.ru>

⁴ Германн Греф: *США — перспективный рынок сбыта нефти*, RBC Daily, 21 сентября 2004 г., <http://www.rbc.ru>

⁵ Напомним, что трубопровод КТК протяженностью 1580 км. соединяет Тенгизское нефтяное месторождение в Казахстане с морским терминалом в Новороссийске. Он пущен в эксплуатацию в 2001 г. и рассчитан на прокачку 21,7 млн т казахстанской нефти в год. Половина акций консорциума принадлежит госструктурам: у РФФИ-24%, НКК „КазахОйл“-19% и Oman CPC Co.-7%. Другую половину делят частные компании — американские Chevron Caspian Pipeline Consortium Co. (15%), Mobil Caspian Pipeline Co. (7,5%) и Oryx Caspian Pipeline LLC (1,75%), российско-американская LUKARCO (12,5%), российско-британская Rosneft-Shell Caspian Ventures Ltd. (7,5%), итальянская Agip International (2%), британская BG Overseas Holdings Ltd. (2%) и Kazakhstan Pipeline Ventures LLC (1,75%).

⁶ В начале этого года, в своей статье, опубликованной в американском журнале „Форейн Аффэйрс“ („Foreign Affairs“), госсекретарь США Колин Пауэлль (Colin Powell) утверждал, что „американско-российские коммерческие отношения были расширены и они будут расширены в пользу обеих сторон; мы также верим в энергетическую отрасль“, см. Colin L. Powell, *A Strategy of Partnerships*, „Foreign Affairs“, January/February 2004, <http://www.foreignaffairs.org>